

Дневник⁺ министерши озорства

Вера Вонг

Вера Вонг

Дневник министерши озорства

<https://litres.ru/74446989>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, чтобы спасти мир, нужен Избранный. Герой с тяжелым взглядом, древний меч и трагическое детство. Княжество Лютеция — место, где всё пошло не по сценарию.

Когда у старой служанки Агаты прихватило спину, заменить её при княжеском дворе отправили дочь — Луизу де Вьей. Луиза никогда не держала в руках ничего тяжелее корзины с бельем, зато виртуозно умела воровать яблоки, свистеть в два пальца и выводить из себя святых отцов. Она была уверена, что высший свет встретит её пинками, а закончится всё хорошей поркой.

Но судьба распорядилась иначе. Вместо грязной кухни Луиза оказалась в эпицентре магического заговора, от которого зависела судьба двух государств.

Содержание

Глава 1. Деревня и зов судьбы	4
Глава 2. Первый день во дворце	17
Глава 3. Появление принцессы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вера Вонг

Дневник министерши озорства

Глава 1. Деревня и зов судьбы

Солнце в долине Шенонсо вставало не так, как во всем остальном княжестве Лютеция. Оно не выползало лениво из-за туманных холмов, а словно выкатывалось огромным, начищенным до блеска медным тазом прямо из недр старой водяной мельницы мсье Пьера. И звук у этого солнца был соответствующий — громкий, скрипучий, перемежающийся сочными ругательствами самого мельника, который каждое утро пытался договориться со своим механизмом о помоле зерна для княжеской пекарни.

Луиза проснулась ровно за секунду до того, как первое «Бра-а-атцы, да чтоб тебя!» мсье Пьера разнеслось над сонной черепичной крышей деревни Вдовьи Слезы. Она села на кровати, свесив босые ноги, которые тут же утонули в пушистом ковре из пыли и прошлогодних сухих листьев, залетевших сквозь щели в ставнях.

Ей было пятнадцать лет, три месяца и двенадцать дней.

По меркам деревни — возраст критический, почти перерезрелый. Девочек помоложе уже начинали потихоньку спроваживать к свахам, примерять им материнские чепцы и учить вздыхать томно, прикрывая рот ладошкой. Луизу вздохнуть томно никто не учил. Во-первых, потому что ее матушка, старая служанка Агата, считала томные вздохи первым шагом к падению нравов и радикулиту. А во-вторых, потому что легкие Луизы природой были созданы совершенно для другого: для заливистого смеха, способного перебредить цепных псов на псарне; для пронзительного визга, когда она с разбегу прыгала в ледяную речку; и для отдачи команд, от которых сбегались все окрестные гуси.

Она была не красавицей. Если бы местный живописец решил написать портрет мадемуазель де Вьей (а именно такую фамилию носила дочь служанки), ему пришлось бы сильно постараться. Нос у Луизы был прямой, но кончик его вечно смотрел чуть вправо, потому что в семь лет она поспорила с сыном кузнеца, что сможет удержать на нем яблоко, пока тот бьет молотом по наковальне. Яблоко удержала, нос победила, но симметрию утратила навсегда. Глаза у нее были разного оттенка: один — цвета болотной тины после дождя, второй — ярче июньского василька. Веснушек хватило бы на троих, и они расползались по щекам даже зимой. Фигура напоминала молодую лозу дикого винограда — гибкая, непредсказуемая и готовая в любой момент оплести шею зазевавшегося кавалера.

Но стоило Луизе улыбнуться — а улыбалась она часто, обнажая два передних зуба, между которыми застревал кусок яблока или соломинка, — как вся эта нелепость превращалась в нечто невероятно притягательное. От нее пахло летом, парным молоком и шалостью.

В свои пятнадцать она была абсолютной королевой местной ребятни. Не княжной, которой поклоняются из страха перед титулом, а атаманом, за которым идут в огонь, воду и соседский вишневый сад.

— Мадлен! Жан-Поль! — гаркнула Луиза, натягивая штаны своего младшего брата Анри, умершего от оспы еще в год назад. Штаны были ей велики, зато позволяли делать шпагат без треска ткани. — Кто вчера спер солонину из погреба вдовы Марты?

Мадлен, толстощекая дочка булочника, виновато шмыгнула носом. Жан-Поль попытался спрятаться за плетень, но задел головой подвешенный там старый башмак, отчего весь двор наполнился гулким звоном.

— Так это... пробовали, испортится ли, — проямлил он. — Для науки!

— Для науки будет наука, — хмыкнула Луиза, заплетая свою густую каштановую косу так туго, что кожа на лбу натянулась, приподнимая веснушки. — Берем метлы. До заката драим крыльцо вдовы Марты языком. Если успеем — дам каждому лизнуть котел с утренней кашей тетушки Жоржетты. Там корица.

Дети восторженно загалдели. Наказание под предводительством Луизы всегда граничило с праздником. Они любили ее той слепой, собачьей любовью, которая доступна только тем, кто никогда не видел настоящей власти.

Жизнь в деревне текла размеренно, как патока. Дни делились на те, когда нужно полоть огород, те, когда нужно воровать яблоки, и те, когда приезжал бродячий цирк. Луиза знала каждый камень на единственной улице Вдовьих Слез. Знала, какая половица в доме старосты скрипит громче всего (вторая слева от камина), где находится тайный лаз через стену монастыря Святого Себастьяна (за выгребной ямой) и сколько шагов нужно сделать от старого дуба, чтобы найти клад виконта-извращенца, зарытый двести лет назад (спойлер: клада не было, но легенда отлично помогала заманивать мальчишек на ночное дежурство).

Она привыкла быть заводилой. Привыкла, что мир вокруг понятен, предсказуем и состоит из запахов сена, вкуса диких груш и ощущения мягкой земли под ногами. Ее амбиции заканчивались на желании однажды уговорить кучера княжеской кареты дать подержать вожжи хотя бы пять минут. Или стащить перо из шляпы проезжего барона. Ничего глобального. Судьба государства волновала ее примерно так же, как волнует крестьянина курс обмена золотых монет в далекой Кастилии — теоретически интересно, практически есть не просит.

Все изменилось в четверг. Четверг вообще считался в их

семье днем проклятым. Именно в четверг дед Луизы упал в колодец, отец проиграл в кости единственную козу, а сама Луиза умудрилась покрасить княжеского любимого дога в синий цвет, перепутав краску для шерсти с чернилами.

Агата слегла.

Это произошло не вдруг. Старая служанка таяла месяц. Сначала она просто жаловалась на ломоту в пояснице, потом начала путать травы, заваривая вместо успокоительного ромашки отвар из крапивы для князя, отчего тот неделю ходил красный и чешущийся, как ошпаренный петух. А затем Агата просто перестала вставать.

Жар стоял такой, что мокрые тряпки, которые Луиза меняла каждые полчаса, высыхали на лбу матери быстрее, чем она успевала их намочить. Кожа Агаты стала похожа на старый пергамент, плотно обтянувший скулы. Только глаза оставались ясными, черными и очень тревожными.

Луиза сидела на низком табурете у постели, механически сжимая сухую, горячую руку матери. За окном снова орал мсье Пьер, требуя от шестеренок уважения к труду. Где-то мычала недоеная корова. Жизнь шла своим чередом, огромная, равнодушная, и внутри этой жизни маленькая девочка отчаянно пыталась удержать одну-единственную нить, связывающую ее с миром.

— Хватит тереть мне пальцы, бесовка, — прохрипел вдруг голос Агаты. Он шел откуда-то из глубины груди, су-

хой и скрежещущий. — Ты сотрешь кожу до костей, кому ты тогда такая гладкая в жоны нужна?

Луиза вздрогнула, роняя полотенце в миску с водой. Брызги полетели на земляной пол.

— Матушка! Вы очнулись! Сейчас бульона... У меня остался куриный, жирный...

— Сядь, — приказала Агата. Голос ее внезапно набрал силу, ту самую властность, за которую князь держал ее при дворе сорок лет, доверяя ключи от казны и тайны спальни княгини. — Слушай внимательно, Луиза. Повторять не буду. У меня язык присох к небу.

Девушка замерла, подобравшись. Таким голосом мать обычно сообщала либо о пропаже серебряной ложки, либо о начале войны.

— Княгиня Элеонора опять брюхата. Срок малый, а характер у неё тяжелый. Ей нужен покой, которого в замке нет. Вечно эти два олуха-княжича скачут, то мечами звенят, то химию свою вонючую варят. Служанок своих она поедом съела, кухарка рыдает третий день, мажордом пьет горькую. Меня зовут обратно.

— Куда обратно? — пискнула Луиза. — Матушка, вам встать нельзя, вы ж легче куриного пера!

— Меня зовут в замок, дура деревенская, — отрезала Агата и зашлась тяжелым, лающим кашлем. Когда приступ прошел, она продолжила тише: — Но я туда не дойду. Ноги отказывают. Спину огнем печет. Видать, костлявая моя экза-

менационная комиссия встречает, скоро диплом получать, а я и есть диплом.

Луиза почувствовала, как холодеет затылок. Страх пополз по спине липкими пальцами.

— Нет. Мы позовем отца Тибо. Он святой человек, он молитвой любую лихорадку гонит...

— Отец Тибо твой сейчас пьянее сапожника Мартина, потому что Мартин ему за отпевание будущей свиньи заплатил вперед, — Агата попыталась усмехнуться, но вышла лишь кривая гримаса. — Замолчи и слушай. Завтра утром прибудет повозка от управляющего замком. Старик Мишель. Он глуховат, но честен. Ты соберешь узел. Тот синий, что я тебе запрещала трогать. Возьмешь мое платье темно-синее, парадное. То, с воротником, который шею трет. Возьмешь туфли. Свои лохмотья оставишь здесь.

— Матушка, я никуда не поеду! — Луиза вцепилась в одеяло. Мысль покинуть деревню, оставить друзей, коров, шумную мельницу мсье Пьера показалась ей концом света. — Как я там... среди князей? Я ж ложку мимо рта пронесу! Я смеяться начну громко, меня высекут! Я некрасивая, неуклюжая...

— Ты шкодливая, — оборвала ее Агата. Впервые за много дней в ее глазах блеснуло что-то похожее на прежнюю живость. — Ты наглая, языкая и любопытная, как хорек в курятнике. Именно поэтому ты едешь.

— Почему?! — взывала Луиза.

— Потому что мои старые кости чувствуют гниль, — серьезно сказала Агата. — В замке беспокойно. Княгиня слаба духом, хоть и мнит себя львицей. Князь погряз в счетах. А сыновья... Один строит катапульту, чтобы стрелять горшками с горящим маслом по воронью, другой пытается вывести формулу философского камня из мышиного помета. Им нужна голова на плечах. Своя у них забита рыцарскими романами и формулами. Мне нужна замена. Мои глаза и уши.

— Я ничего не смыслю в делах двора! — Луиза готова была разреваться. — Я умею только лягушек в молоко подбрасывать, чтобы оно кислее было!

— Вот этим и займешься, если потребуется, — жестко припечатала Агата. — Будешь ходить за княгиней. Подносить нюхательные соли. Вытирать плевки. Молчать, когда спрашивают, и слушать, когда думают, что никого рядом нет. Ты видишь людей насквозь, Луиза. Ты знаешь, когда пастух врет про волка, а когда собака действительно задрала овцу. Этого достаточно, ты такая же как я.

Старуха перевела дыхание. Капли пота блестели на ее верхней губе.

— И вот еще что. Это мой последний тебе наказ. Что бы ты ни увидела в замке... какую бы грязь, какое бы золото, какие бы чудеса или ужасы... запомни. Ты — Луиза. Дочь Агаты. Ты родилась в хлеву, научилась ходить, держась за хвост коровы Зорьки, и первый свой зуб потеряла, пытаясь разгрызть орех, который нашла в навозе. Никакие шелковые

простыни этого не изменят. Если станешь жеманной — выпорю розгами лично, пусть даже с того света. Поняла?

Луиза смотрела на мать широко раскрытыми глазами. Весь привычный, теплый, пахнувший сеном мир рушился. Впереди маячила неизвестность, страшная, огромная, пахнущая воском, пылью и чужими людьми.

— Поняла, — прошептала она, чувствуя, как дрожит подбородок.

— Реветь прекрати, — велела Агата, вновь становясь строгой ключницей. — Слезы портят цвет лица. Тебе завтра представлять перед управляющим. Соберись. Узел положи у порога. Платье отгладь угольным камнем. И волосы... Господи, Луиза, сделай что-нибудь с волосами. Эта твоя коса похожа на веревку, которой давили теленка.

Ночь прошла в суматохе, слезах и тихих наставлениях. Луиза собрала узел. Синее платье оказалось неожиданно тяжелым, ткань приятно холодила руки, но пугала своей чужеродностью. Рядом лежали кожаные туфли с пряжками — вещь невиданной роскоши. Девушка примерила их, сделала шаг и тут же наступила себе на пятку. В деревне она бегала босиком круглый год, считая обувь глупым изобретением для тех, кому нечего делать.

Перед рассветом жар Агаты спал. Мать забылась тяжелым, но ровным сном. Луиза, одетая в свое лучшее домотканое платье, которое теперь казалось ей убогими лохмотьями, стояла у двери.

Она оглядела родную лачугу. Низкий потолок, почерневшие балки, стол, на котором осталась стоять ее деревянная кружка с отколотым краем. Взгляд зацепился за старую куклу, сплетенную из соломы. Луиза схватила ее, сжала в кулаке и выбежала на улицу.

Деревня просыпалась. Запахло дымом и свежим хлебом. На востоке солнце уже начало плавить туман над рекой.

У околицы стояла крытая повозка. Старый Мишель сидел на козлах, клевал носом, и тихо похрапывал. Его мул, животное философского склада ума, меланхолично жевал репейник.

— Эй! — крикнула Луиза, подходя ближе. Голос сорвался. — Мсье Мишель!

Управляющий вздрогнул, открыл мутные глаза и долго фокусировал взгляд на девушке.

— Ась? — прокричал он, приставив ладонь к уху. — Чего шумишь, девка? Ворота сами не откроются!

Луиза глубоко вдохнула влажный утренний воздух. Внутри все кричало, рвалось назад, к теплому боку матери, к друзьям, к безопасной скучности Вдовьих Слез. Любопытство боролось с первобытным ужасом.

Она подошла к повозке, забросила внутрь свой узел. Солома внутри фургона колко кольнула ногу сквозь тонкую подошву самодельных башмаков, которые она надела вместо туфель с пряжками.

— Едем, что ли? — спросил Мишель, поправляя шапку.

— Аль передумала? Ежели передумала, так я лучше сразу в замок, чего животину зря гонять.

Луиза посмотрела на крышу родного дома. Потом перевела взгляд на свои руки — крепкие, загорелые, покрытые мелкими царапинами. Руки крестьянки.

«Ты — Луиза», — прозвучал в голове хриплый голос матери.

— Поехали, — решительно сказала она и, подтянувшись за край борта, неуклюже плюхнулась на жесткое сиденье рядом с кучером. — Только медленно. Я высоты боюсь.

Мишель хмыкнул, дернул поводья, и мул тяжело сдвинулся с места. Колеса повозки жалобно скрипнули, оставляя две глубокие черные полосы на влажной земле.

Первые тревоги пришли, когда деревня скрылась за поворотом. Лес вдоль дороги стал гуще, вековые дубы сплелись кронами, создавая сумрачный тоннель. Солнечные пятна исчезли, уступив место зеленоватому полумраку. Запахло прелой листвой, грибами и чем-то еще — сладковатым, металлическим, тревожным.

Луиза плотнее запахнула на груди платок. Она впервые оказалась одна так далеко от дома. Без надзора матери, без знакомых лиц, без возможности юркнуть в кусты, если станет страшно.

— Далеко ехать-то? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал бодро, а не пищал, как у мыши.

— К вечеру будем, ежели колесо не отвалится, а оно хо-

чет... — отозвался Мишель. — Хорошее место этот замок Монфор. Тихое. Только сквозняки жуткие. Прошлым годом одного писаря на лестнице продуло, так он месяц икал жабой. Очень смешно было, пока князь палкой его не отходил.

Луиза кивнула, хотя управляющий смотрел на дорогу. Она прижала колени к груди, обхватив их руками. Соломенная кукла больно упиралась ребрами.

Любопытство возвращалось толчками. Замок. Князя. Принцесса-колдунья, о которой ходили слухи шепотом даже в их глухой деревне. Другая жизнь. Огромная, непонятная, полная опасностей и, возможно, чудес.

Она украдкой достала куклу из-под рубашки. Соломенное лицо казалось насмешливым.

— Ну что, подруга? — тихо сказала Луиза кукле. — Похоже, наше с тобой озорство выходит на новый уровень. Держись крепче. Кажется, судьба решила прокатить нас с ветерком. И надеюсь, у этих господ хватит посуды, которую можно безнаказанно бить.

Повозка подпрыгнула на очередном корне, Луиза клацнула зубами и инстинктивно вцепилась в рукав старого Мишеля. Тот покосился на нее, добродушно ослабившись беззубым ртом, и подстегнул мула.

Дорога пошла вверх. Начинались предгорья, владения замка Монфор. Позади осталась деревня, детство и тишина. Впереди ждал зов судьбы, пахнувший старым воском, страхом и приключениями. Луиза расправила плечи, насколько

позволяло тесное пространство повозки, и хищно улыбнулась навстречу неизвестности. Озорства в ней было больше, чем здравого смысла, и именно это чувство подсказывало ей: скучно точно не будет.

Глава 2. Первый день во дворце

Если бы кто-нибудь спросил меня, чем пахнет княжеская роскошь на второй неделе сентября, я бы ответила без запинки: пылью, мастикой для паркета и чужим отчаянием.

Дорога от Вдовьих Слез до замка Монфор заняла не обещанный вечер, а целые сутки, колесо всётаки укатилось в пруд. Старый мул Мишеля оказался философом-ипохондриком. Он отказывался идти в гору быстрее шага беременной улитки, мотивируя это тем, что «копыта скользят по ночной росе». Я провела ночь, свернувшись калачиком на жестком сиденье повозки, прижимая к груди соломенную куклу, которая за время пути растеряла половину соломы и теперь напоминала общипанного цыпленка.

Замок возник из утреннего тумана внезапно. Сначала показались шпили — черные, острые, пронзающие низкое небо, словно иглы гигантского ежа. Потом проступили стены цвета мокрого пепла, поросшие мхом у самого основания. А затем дорога сделала последний поворот, и мы выехали на подвесной мост.

Под нами ревел ров. Но вместо воды там клубилась какая-то сизая дрянь с зеленоватыми прожилками. От нее воняло тухлыми яйцами и жженым сахаром. На берегу рва паслись гуси. Обычные белые деревенские гуси. Они мирно щи-

пали травку прямо у кромки этой химической отравы, и выглядело это так буднично, что мне стало жутко. — Серный источник подтекает, — прокричал сквозь скрип колес старый Мишель, заметив мой ужас. — Третий год чинят. Зато комаров нет совсем. И воровать бояться.

Ворота открылись беззвучно. Тяжелые дубовые створки разошлись сами собой, движимые механизмом, который скрежетал где-то глубоко под землей, как страдающий несварением желудка левиафан. Мы въехали во внутренний двор.

И вот тут моя душа ушла в пятки окончательно. Деревня приучила меня к горизонтам. Там всегда было куда бежать: в поле, в лес, на мельницу. Здесь же каменные стены давили со всех сторон, уходя вверх на такую высоту, что кружилась голова. Двор был выложен идеально подогнанными плитами черного гранита. Ни единой травинки, ни одной пылинки. Идеальная чистота убийственного свойства.

Мишель помог мне выбраться. Ноги затекли и отказались держать вес тела. Я покачнулась, наступила на развязавшийся шнурок своего лучшего башмака (того самого, что жмет мизинец) и непременно рухнула бы носом в гранит, если бы не натолкнулась спиной на что-то твердое, холодное и звякнувшее металлом.

— Осторожнее, девица, — прогудел голос над самым ухом. — Броню полируете или просто решили проверить ее на прочность собственным затылком?

Я обернулась. Передо мной стоял человек-гора. Его рост

превышал два метра, плечи загораживали солнце, а нагрудник кирасы был отполирован до состояния зеркала. Из этого зеркала на меня смотрела растрепанная девчонка с косой, похожей на крысиный хвост, и лицом, покрытым дорожной грязью пополам с испугом.

— Сама ты девица, — огрызнулась я чисто из вредности, потому что колени все еще тряслись. — Я мадемуазель де Вьей. Новый личный помощник ключницы Агаты. Где здесь можно помыть руки и съесть кусок хлеба? Желательно одновременно, чтобы сэкономить время.

Стражник моргнул. Видимо, обычно новые слуги начинали плакать, падать в обморок или бормотать извинения. Моя реакция сбила его с толку.

— Ключница... Помощник... — он поскреб закованной в сталь пятерней шлем. — Вам в Северное крыло. По галерее направо, мимо гобеленов с охотой на единорога, потом вниз по лестнице, где статуя плачет кровью по вторникам. Увидите дверь с медным молотком в виде жабы. Только...

— Что только? — подбоченилась я.

— Мадам Агата вчера преставилась, голубь прилетел от старосты деревни, — стражник снял шлем, обнажив абсолютно лысую голову, покрытую капельками пота. — Князь распорядился хоронить сегодня после обеда. Так что ваш первый рабочий день начнется с поминок. Добро пожаловать в Монфор, барышня.

Он развернулся и ушел обратно в караулку, оставив меня

стоять посреди идеального двора с открытым ртом. Смерть матери ударила меня не сразу. Она была похожа на камень, брошенный в глубокий колодец: звук падения еще не слышно, но он долетел до дна, вода уже пошла кругами. Я сглотнула вязкую слюну, крепче сжала свою соломенную куклу и шагнула внутрь дворца.

Северное крыло встретило меня холодом. Настоящим, могильным сквозняком, который путался в складках моей юбки. Стены здесь были увешаны портретами предков нынешнего князя. Все они смотрели одинаково: высокомерно, скучающе и с легким укором, мол, посмотри, какую чумазую оборванку пустили топтать наш паркет.

Паркет, кстати, действительно сиял. Я посмотрела на свои ноги. Башмаки оставляли на нем серые следы. Внутри меня проснулся бесенок, требующий пройтись колесом прямо до кабинета мажордома, но желудок предательски квакнул, напоминая о пропущенном ужине и завтраке.

Дверь с жабой оказалась тяжелой. Медный молоток имел форму высунутого языка. Я постучала. Три раза. Как положено приличной девушке. Тишина. Я толкнула дверь плечом. Она открылась с тихим вздохом, выпуская в коридор облако запахов: сушеных трав, пчелиного воска, кислого молока и чего-то горького, аптечного.

Комната ключницы была огромной. Казалось, замок поглотил целую крестьянскую усадьбу и переварил ее в этот зал. Под потолком висели связки чеснока, лука-порей, оме-

лы и каких-то синих кореньев, названия которых я даже не знала. Вдоль стен стояли сундуки, окованные железом. На длинном столе громоздились грессбухи, счеты, весы для специй и почему-то человеческий череп, использовавшийся как пресс-папье.

На широкой кровати с балдахином лежала женщина. Маленькая, сухонькая, с лицом, похожим на печеное яблоко. Это была ключница. Дома она казалась большой, заполняющей собой всё пространство лачуги. Здесь она потерялась среди шелковых простыней и горы подушек.

Рядом с кроватью стояла девушка примерно моих лет. Одета она была скромно, в темно-коричневое платье служанки, но осанка выдавала породу. Спина прямая, подбородок чуть вздернут. Руки сложены на животе, пальцы тонкие, нервные. — Вы опоздали, — сказала она вместо приветствия. Голос у нее был мелодичный, но холодный, как родниковая вода. — Матушка велела её не будить, начинать инвентаризацию серебряных ложек ровно в шесть утра. Сейчас половина седьмого. Ложки ждут.

— Хорошо, ложки так ложки... — ляпнула я первое, что пришло в голову. — Моя матушка мертва, мне сказал стражник. Пьер. Или Жак. Тот, что блесит.

Девушка побледнела так стремительно, будто из нее выпустили воздух. Глаза, огромные и темные, наполнились слезами, но ни одна капля не упала на щеки.

— Я знаю, — прошептала она. — Я была с ней в хороших

отношениях, ну почти в хороших. Ее последние слова были... очень странными. Она сказала: «Передай Луизе, пусть никогда не доверяет тени».

У меня мороз пошел по коже. Мать никогда не говорила загадками. Если она хотела передать совет, она говорила прямо: «Луиза, не ешь зеленые ягоды», «Луиза, не смейся, когда князь ест суп, подавится». Про тени она молчала.

— Меня зовут Софи, — продолжила девушка, справившись с голосом. — Я младшая помощница покойной. Теперь старшая, видимо. А вы... та самая дочь шлюхи?

Вот это было обидно. Не то чтобы я стеснялась происхождения своей матушки — Агата работала честно, спина у нее была шире мужской, а язык острее кинжала. Но слышать такое от сопливой девчонки, которая наверняка вилку держит тремя пальцами...

— Я дочь Агаты, — отчеканила я, делая шаг вперед. — А моя матушка мыла полы чище, чем ваши господа думают своими напوماженными головами. Если вам нужны ложки — берите тетрадь. Будем считать вместе. Потому что либо мы сейчас работаем, либо я иду искать того блестящего парня Пьера и прошу его подержать вас за ноги, пока я буду выбивать из вас дурь через уши.

Софи моргнула. Уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки.

— Ваша матушка предупреждала, что вы буйная.

Мы считали ложки три часа. За это время я узнала о замке

больше, чем за всю дорогу сюда. Замок Монфор жил двойной жизнью. Днем он был символом власти, богатства и порядка. Ночью превращался в огромный механизм, полный поломанных шестеренок, протекающих труб, пьяных истопников и тайных ходов.

Софи оказалась идеальным учителем. Сухая, педантичная, знающая историю каждой царапины на серебряном канделябре. Я впитывала информацию, как сухарь воду. Мой мозг работал как счетная машина. Я запоминала количество ступеней, расположение дверей, привычки горничных и график смены караула. Детектив внутри меня просыпался медленно, принимаясь к новой обстановке.

К обеду нас прервали. В комнату вошел мажордом — человек настолько прямой и негнувшийся, что казалось, если его толкнуть, он упадет и разобьется, как глиняная статуя.

— Мадемуазель де Вьей, — проскрипел он. — Его Светлость требует вас к себе. Немедленно. Вас проводят.

Сердце пропустило удар. Одно дело — перебирать тряпки в кладовой, другое — предстать перед князем. Я судорожно попыталась пригладить волосы. Поняла, что выгляжу как огородное пугало после бури, плюнула на приличия и расправила плечи. Озорство снова подняло голову. Раз уж меня ведут на эшафот, я хотя бы посвищу по дороге.

Кабинет князя находился в Круглой башне. Подниматься пришлось по винтовой лестнице, такой узкой, что мои бедра терлись о влажный камень.

Его Светлость сидел за массивным столом из мореного дуба. Он пил вино. Прямо из горла пузатой бутылки. При нашем появлении он икнул, поставил бутылку на стол (та оставила на пергаменте красное пятно, подозрительно похожее на карту боевых действий) и уставился на меня мутным взглядом.

Ему было около сорока пяти. Лицо одутловатое, мешки под глазами размером с те самые картофелины, которые мы сажали в деревне. Камзол расстегнут на животе, парик съехал набок.

— Ну? — рыкнул он. — Ты новая метелка моей жены? Дочь той старой ведьмы, что лечила мою подагру мочой молодого поросенка?

— Это был настой на еловых почках, ваша светлость, — вежливо поправила я, приседая в неуклюжем книксене. — Мочу поросенка она рекомендовала вам наружно, для растирания поясницы. Внутренне — только по праздникам.

Князь замер. Бутылка зависла в воздухе. Мажордом позади меня издал звук, похожий на предсмертный хрип астматика. Князь вдруг расхохотался. Громко, раскатисто, запрокинув голову. Смех перешел в кашель, князь выхлебал остатки вина и ткнул в меня пальцем:

— Огонь! Люблю огонь. Как и обещала твоя ныне покойная матушка. Садись, девка. Выпьешь?

— Благодарю, ваша светлость, но я на службе. И мне нельзя смешивать виноградную брагу с желанием врезать ко-

му-нибудь по лицу. Второе обычно побеждает, а виноватой остаюсь я.

Он снова захохотал, стукнув кулаком по столу так, что подпрыгнули чернильницы.

— Вот таких мне и надо! — провозгласил он. — А то ходят вокруг, глазки строят, фиалки нюхают. Тьфу! Значит так, слушай приказ. Моя жена... — он скривился, как от зубной боли. — ...Елена, слабеет. Врачи говорят — нервы. Я говорю — дурь. Но король настаивает на браке нашей семьи с их семьей. Принцесса едет к нам. Через три дня. Твоя задача — быть при Елене. Глаз с нее не спускать. Если начнет чудить, бросаться вазами или разговаривать с паутиной — докладывать мне. Поняла?

— Поняла, — кивнула я. — Шпионить за собственной госпожой. Оплата двойная?

— Нахалка, — фыркнул князь, но глаза его блеснули одобрением. — Свободна. И скажи моему сыну Филиппу, чтоб перестал палить из мушкета в мой кабинет. Попал в глобус. Теперь Австралия течет.

Филиппа я нашла в оружейной зале. Вернее, сначала я нашла дым, едкий запах пороха и звон в ушах. А потом увидела старшего княжича.

Ему было восемнадцать. Высокий, широкоплечий, одетый в кожаный колет, заляпанный маслом и гарью. Волосы цвета воронова крыла торчали в разные стороны, лицо перемазано копотью, но голубые глаза сверкали чистым востор-

гом фанатика. В руках он держал нечто среднее между аркебузой и кухонной мясорубкой. Из ствола валил сизый дым.

— Получилось! — завопил он, увидев меня. — Видишь?! Заряд картечи лег точно в центр мишени! То есть... почти в центр. Левее на ладонь. Но зато какой звук!

Мишенью служил щит с гербом соседнего герцогства. Щит висел на стене, рядом с коллекцией алебард. Рядом со щитом зияла огромная дыра в дорогой деревянной панели.

— Ваша светлость, — кашлянула я. — Батюшка ваш гневается. Просил передать, что Австралия опять протекает, и если вы взорвете еще одну полку с фарфором, он заставит вас жениться на дочке стеклодува. У нее растут усы и четыре брата-кузнеца.

Филипп опустил свое орудие убийства. Уставился на меня, хлопая длинными ресницами. Похоже, к нему еще никто не обращался с такими речами.

— Ты новенькая? — спросил он, наконец. — От Агаты? Почему не дрожишь? Все дрожат. Даже капитан гвардии бледнеет, когда я экспериментирую с зажигательными смесями.

— Я выросла возле водяной мельницы, ваша светлость, — честно призналась я. — Когда над головой крутятся жернова весом в тонну, желание дрожать атрофируется за ненужностью. Позвольте заметить, что пороховая гарь плохо отстирывается. Ваше лучшее кружево на воротнике испорчено безвозвратно.

Он посмотрел на свой воротник, расстроено цыкнул зубом, но быстро забыл об этом. Энергия была из него ключом. Он подошел ближе, нависая надо мной, как осадная башня.

— Как тебя зовут?

— Луиза.

— Луиза... — он покатал имя на языке. — Звучит как название легкого пехотного орудия. Мне нравится. Хочешь посмотреть чертеж катапульты, стреляющей горшками с живыми гадюками? Идеальное средство против заговорщиков в тронном зале!

Я посмотрела в его глаза и поняла главное: старший княжич Филипп не думал о государстве. Государство для него было лишь огромным полигоном. Ему не нужны были налоги, законы или дипломатия. Ему нужен был враг. Четкий, понятный, желательно вооруженный, чтобы можно было красиво скрестить с ним мечи, получить шрам на мужественном лице и войти в легенды. Он был рожден для войны, которой в княжестве не было уже двадцать лет, и эта неостребованная жажда славы делала его опасным ребенком с арсеналом взрослой артиллерии.

— Обязательно покажете, — пообещала я. — Сразу после того, как мы найдем способ спасти ваше кружево. Кстати, а где ваш брат? Говорят, он собирается стать монахом. Наверное, ему тоже нужно новое кружево, для смирения плоти?

Лицо Филиппа мгновенно изменилось. Восторг сменился тяжелым, глухим раздражением.

— Анри... — протянул он с презрением. — Этот книжный червь. Да, он мечтает о монастыре. Представляешь? Наш род, кровь воинов, правителей... А он хочет сидеть в келье, читать псалмы и мазать лоб лампадным маслом. Отец в ярости. Запер его в библиотеке. Сказал, пока не прочитает трактат о налогообложении портов, жрать не даст.

Библиотека находилась в Западном крыле. В отличие от гулких залов и мрачных коридоров, здесь пахло иначе. Пылью, сухой кожей переплетов, старым пергаментом и пчелиным воском. Воздух был густым, пропитанным знаниями. Сквозь высокие стрельчатые окна пробивались лучи солнца, в которых танцевали мириады золотых пылинок.

Младший княжич Анри сидел прямо на полу, обложившись фолиантами. Стол рядом был завален свитками, ретортиками и какими-то засушенными насекомыми. Самому Анри было шестнадцать. Худой, нескладный, с вечно сутулой спиной. Волосы неопределенного мышиного цвета падали ему на лицо, закрывая глаза. Одет он был в простую темную куртку, явно перешитую из старого платья камеристки.

Когда я вошла, он не поднял головы. Он был полностью поглощен процессом. Одной рукой он держал огромную лупу, другой осторожно водил кисточкой по крылу бабочки, приклеивая его к бумаге.

— Красиво, — сказала я тихо, чтобы не спугнуть ни его, ни насекомое.

Анри дернулся, лупа выскользнула из пальцев и покати-

лась по ковру.

— Кто здесь?! — пискнул он, вскакивая. Книга, которую он читал, упала, раскрывшись на гравюре с изображением внутренних органов человека. Судя по цвету иллюстрации, художник обладал больной фантазией.

— Луиза, — представилась я. — Ваш отец просил напомнить, что траты на свечи для чтения превысят годовой доход деревни Вдовьи Слезы. И что если вы не спуститесь к ужину, он посадит вас на хлеб и святую воду.

Анри смотрел на меня поверх оправы очков (еще одна деталь, выдающая ученого — простые солдаты очки презирают). Взгляд у него был удивленный, но не испуганный. Скорее, любопытный, как у кота, впервые увидевшего снег.

— Ты разговариваешь цитатами отца, — заметил он. — Зачем?

— Экономлю собственное воображение, — пожалала я плечами. — Оно мне понадобится вечером, когда придется объяснять вашему брату, почему его любимый сапфировой кубок превратился в решето после попытки смешать в нем селитру и уксус. Вы правда хотите в монастырь?

Он вздохнул, подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу.

— Хочу тишины, — ответил он, глядя на верхушки деревьев парка. — Там, в аббатстве Святого Бенедикта, камни веками лежат на одном месте. Вода в источнике имеет постоянную температуру. Никто не орет тебе в ухо, что пора

спасать династию. Никто не пытается взорвать сарай ради эксперимента. Я хочу покоя, Луиза. Чтобы просто думать. О звездах. О том, почему трава растет вверх, а дождь падает вниз. Разве это преступление?

— Нет, — серьезно ответила я. — Преступление — оставлять вашего брата одного с химикатами. Он только что пытался доказать мне, что лучший способ чистки серебра — это кипячение его в моче кабана. Пойдемте отсюда, ваша светлость. Пока библиотека не взлетела на воздух вслед за Австралией.

Анри слабо улыбнулся. Впервые за утро кто-то отреагировал на мое присутствие не приказом и не снисхождением, а интересом.

— Кабанья моча оставляет пятна, — сказал он. — Лучше использовать смесь золы и лимонного сока. Я могу написать рецепт для вашей матушки... то есть, для вас.

— Напишите, — согласилась я. — Только на латыни. Господин мажордом считает, что знание языков и умение читать, особенно для девушки, делает людей бунтовщиками. Пусть думает, что это молитва.

Вечером, лежа на узкой койке в крохотной каморке под самой крышей, выделенной мне экономкой (потолок здесь сходился углом, и выпрямиться во весь рост было невозможно), я подводила итоги первого дня.

Маму похоронили. Я не смогла пойти — работы было слишком много. Софи принесла мне кусок пирога с кухни.

Пирог был вкусным, но отдавал формалином и чужими следами.

Мир дворца оказался сложнее деревни. Здесь правила были другими. В деревне сила была в кулаках и умении громко ругаться. Здесь сила пряталась в шепоте, в вовремя закрытой двери, в знании того, чей сын проиграл деньги в кости капитану стражи.

Братья оказались двумя половинами сломанной монеты. Филипп — слепящая, горячая сторона, готовая сжечь всё дотла ради красивой вспышки. Анри — холодная, тусклая оборотная сторона, мечтающая спрятаться от света вообще. Оба бесполезны для управления государством. Один видит врагов там, где их нет, другой не видит проблем, даже когда они написаны кровью на стенах.

А еще была княгиня Елена. Я видела ее мельком, проходя мимо будуара. Она сидела перед зеркалом, бледная, прозрачная, и расчесывала длинные седые волосы костяным гребнем. Хотя ей едва исполнилось тридцать пять. Служанки шептались, что княгиня начала сидеть в одну ночь, десять лет назад, когда родилась принцесса-королевна.

Я перевернулась на бок, подложив соломенную куклу под щеку. Солома больно кололась, но это успокаивало. Это напоминало о сеновале, о безопасности, о простых законах физики. На днях приезжает принцесса. Наследная принцесса-колдунья, которая якобы не хочет колдовать, но не может остановиться. Король-отец, которому зачем-то срочно пона-

добился брак дочери с одним из этих двух недоразумений, настаивает, что она сама должна выбрать.

Я закрыла глаза. В голове крутились слова матери: «Никогда не доверяй тени». Во сне мне приснилось, что тьма под моей кроватью дышит. Ровно, спокойно, как спящий зверь. И ждет.

Первый день закончился. Игра началась. И судя по тому, как трещал потолок моей каморки от гуляющих по замку сквозняков, партия будет долгой и очень веселой.

Глава 3. Появление принцессы

Третий день пребывания в замке Монфор ознаменовался тем, что из кухни пропала лучшая копченая нога окорока, князь Филипп разбил свою любимую фарфоровую вазу династии Мин (которая на самом деле была куплена у бродячего торговца за три медяка и выдавалась за антиквариат), а княгиня Елена впервые за неделю вышла из своих покоев, чтобы потребовать нюхательную соль с запахом лаванды вместо привычного уксуса.

Для меня это означало одно: уровень напряжения во дворце достиг точки кипения. Когда аристократы начинают вести себя как нормальные люди — воровать еду со стола и бить посуду от скуки — жди беды. Настоящей, государственной.

Принцессу ждали к полудню. К одиннадцати часам внутренний двор замка напоминал разворошенный муравейник, если бы муравьи страдали тяжелой формой бурного расстройства разума. Мажордом Жан-Гаспар, человек-циркуль, носился по плитам, размахивая серебряной указкой, словно шпагой. Он лично измерял расстояние между гвардейцами, стоящими в почетном карауле. Разница в два пальца грозила немедленным разжалованием и отправкой чистить нужники на северной башне.

— Выровнять носки! — визжал он. — Шпаги на плечо!

Подбородки выше! Мсье Дюбуа, вы чихнули или это был звук скорби? Уберите эмоции с лица, мы встречаем невесту короны, а не телегу с репой!

Я стояла в тени арочного прохода, ведущего на кухню. Официально я числилась «помощницей ключницы», но поскольку ключи теперь находились у Софи, а сама Софи рыдала над мамиными записями, так как читала с трудом, моя должность превратилась в «девочку для битья при чрезвычайных ситуациях». Сейчас моей задачей было следить за подносами с легкими закусками. Вернее, следить, чтобы их никто не трогал до приезда высоких гостей. Это было сложнее, чем пасти стадо котов в рыбной лавке.

Рядом со мной, привалившись плечом к холодной кладке, стоял старший княжич Филипп. На нем был новый камзол цвета бургундского вина, расшитый золотом так густо, что стоять прямо ему удавалось только благодаря врожденному чувству равновесия и крепкому позвоночнику. Волосы были уложены, напомажены и завиты колечками. Он выглядел как идеальный портрет героя, если бы не красное пятно ожога на левой скуле (последствие утреннего эксперимента с селитрой) и выражение вселенской тоски в глазах.

— Луиза, — прошипел он, не поворачивая головы. — Если этот идиот Анри появится здесь в своем балахоне послушника, я утоплю его в фонтане. Мы ждем дочь короля. Здесь должно пахнуть мускусом, властью и победой. А от моего брата пахнет ладаном и отчаянием.

— От вас пахнет паленой шерстью, ваша светлость, — любезно отозвалась я, поправляя кружевную салфетку на подносе. — И немного паникой. Расслабьте челюсть, иначе зубы раскрошатся раньше, чем карета въедет в ворота. Принцесса любит мужчин с целыми зубами?

— Понятия не имею, — фыркнул Филипп. — Я собираюсь произвести впечатление не зубами. Видишь ту батарею фальконетов у восточной стены? Мастер Готье обещал, что после залпа уши будут звенеть еще сутки. Вот это — аргумент. А ты почему не переоделась? Твоя ливрея... она пугает лошадей.

Моя «ливрея» представляла собой темно-синее платье мамы, которое оказалось мне безнадежно коротко. Оно заканчивалось ровно там, где начинались мои щиколотки. Чтобы скрыть этот позор деревенского кроя, я надела поверх него огромный белый передник с таким количеством крахмала, что им можно было забивать гвозди. Голову венчал чудовищный чепец, похожий на парус маленькой лодки.

— В этом наряде я выгляжу как добродетельная вдова-пуританка, которая собирается читать псалмы над гробом врага, — пояснила я. — Идеальный контраст для вашей сияющей персоны. На моем фоне даже фонарный столб покажется Адонисом.

Филипп скосил на меня глаз. Уголок его губ дрогнул в улыбке. — Ты невыносима.

— Зато экономлю вам деньги на придворных шутах, —

парировала я.

Ровно в полдень ударил главный колокол. Звук был тяжелым, вибрирующим, он прошел сквозь камни фундамента и поднялся вверх, заставив витражные стекла тихо загудеть. Гвардейцы взяли «на караул» с такой синхронностью, будто ими управлял невидимый кукловод.

Ворота поползли в стороны. Но вместо ожидаемого грохота колес по булыжнику раздался лишь тихий шелест. Во двор вплыла закрытая карета. Черная, без гербов, запряженная шестеркой вороных коней настолько идеальных пропорций, что они казались вырезанными из эбенового дерева. Ни пылинки на лакированных боках, ни единого сбившегося волоска в гривах.

Карета остановилась. Кучер спрыгнул с облучка. Он был одет в глухой черный плащ с капюшоном, скрывающим лицо. Движения его были плавными, текучими, совершенно бесшумными. Мне стало зябко, несмотря на послеполуденное солнце.

Дверца открылась сама. Без помощи кучера. Просто откинулась черная створка, и оттуда появилась нога в изящном кожаном сапожке. Затем показалась вторая.

И вот тут время замедлилось. Двор ахнул единым вздохом. Даже мажордом Жан-Гаспар забыл про свои линейки и замер с открытым ртом.

Принцесса Изабелла спускалась по ступенькам кареты. Она не опиралась на руку слуги. Она просто шла — плавно,

царственно, неслышно.

Ей было восемнадцать, как и моему хозяину Филиппу, но рядом с ней он вдруг превратился в неуклюжего подростка. Ростом она была чуть ниже среднего, но держалась так, что казалось, башня донжона должна склониться перед ней. Ее волосы были цвета старого золота, но не того теплого, пшеничного оттенка, который бывает у крестьянских девушек после лета в поле. Это было холодное, лунное золото, тяжелое и тусклое, собранное в сложную прическу, скрепленную шпильками из черного янтаря. Никаких лент, никаких цветов, никакой легкомысленности.

Лицо ее поражало странной, почти болезненной красотой. Бледная кожа, белая, как алебастр, без намека на румянец. Губы четко очерченные, бледно-розовые, сжатые в одну тонкую линию. Нос прямой, с едва заметной горбинкой. Но главным были глаза. Огромные, миндалевидные, глубокого фиолетового цвета. Цвета аметиста в сумерках. Они смотрели не на князя, не на роскошь двора, не на гвардейцев. Они смотрели сквозь всё это. Взгляд человека, который находится в одной комнате с вами, но мысленно уже давно ушел куда-то далеко, возможно, за грань жизни.

На ней было платье из ткани, названия которой я не знала. Темно-лиловое, оно струилось по фигуре, как вода, поглощая свет. Казалось, что ткань живая — складки перетекали одна в другую при каждом шаге. Никакого тяжелого бархата, никакого шитья жемчугом, которым так кичились наши

дамы. Только холодный блеск черной бриллиантовой броши в виде паука, застывшего на ее плече.

За спиной принцессы клубилась тень. Не та обычная тень, которую отбрасывает тело на камень. Эта была гуще. Плотнее. Она имела объем. Иногда мне казалось, что я вижу внутри этой тьмы движение — взмах тонкой руки или поворот головы. Но стоило моргнуть, и наваждение исчезало.

Князь сделал шаг вперед, пытаясь изобразить величие, хотя живот его перевешивал вперед, нарушая баланс. Княгиня Елена осталась стоять у дверей террасы. Она куталась в соболиную накидку, хотя день был теплым. При виде дочери короля она побелела еще сильнее, если это вообще было возможно, и вцепилась пальцами в косяк двери так, что костяшки побелели.

— Ваше Высочество, — голос князя предательски дрогнул на последнем слове. — Добро пожаловать в Монфор. Лютеция счастлива принять...

Изабелла остановилась в трех шагах от него. Поклон, который она отвесила, был безупречно вежливым и абсолютно лишенным почтения. Ровно столько градусов наклона спины, сколько требовал протокол, ни миллиметром больше.

— Ваша Светлость, — произнесла она. Голос оказался под стать внешности: низкий, глубокий, с легкой хрипотцой, словно она долго молчала на морозе. — Мой отец передает приветствия. Надеюсь, погода не слишком утомила ваши кости.

По рядам свиты пронесся тихий ветерок шепотков. Обращаться к правящему князю упоминанием его возрастных проблем с суставами считалось либо высшей степенью дерзости, либо признаком безумия. Лицо князя пошло багровыми пятнами, но он сдержался. Король-отец прислал дочь не для танцев, это понимали все.

— Что вы, мы всегда рады... — начал князь, но Изабелла уже скользнула взглядом дальше.

Ее фиолетовые глаза нашли Филиппа. Старший княжич попытался принять героическую позу: ноги на ширине плеч, рука на эфесе шпаги, подбородок вздернут. Со стороны это выглядело так, будто петух пытается проглотить ежа.

— Мадемуазель, — пробасил он, стараясь звучать низко и мужественно. — Позвольте представиться. Ваш будущий супруг, полагаю. Или кандидат. В общем, Филипп.

Принцесса посмотрела на него. Секунда тишины растянулась в вечность. В этот взгляд можно было завернуться, как в мокрую простыню.

— Рада знакомству, сударь, — ровным голосом ответила она. — У вас... интересное украшение на лице. След знакомства с пороховым тестом?

Филипп вспыхнул от гордости:

— О, да! Это результат испытания новой зажигательной смеси для осады вражеских укреплений! Скоро мы модернизируем всю артиллерию княжества!

Глаза Изабеллы не изменили выражения. Ни восхищения,

ни интереса. Лишь легкая, микроскопическая усталость в уголке фиолетовой радужки.

— Укрепления обычно строят из камня, — заметила она. — Камень плохо горит. Впрочем, пиротехника — достойное хобби для юноши вашего положения.

Она отвернулась от него так же легко, как стряхивают пылинку с рукава. Ее взгляд переместился на младшего брата, стоявшего чуть поодаль.

Анри действительно пришел в своем ученическом сюртуке. Он явно пытался спрятаться за колонну, но колонны в замке Монфор были слишком изящными, чтобы скрыть долгоязого подростка. В руках он комкал край рукава.

— Э-э... здравствуйте, — пискнул он, когда взгляды всех присутствующих обратились на него. — Я Анри. Я... читал о вашем королевстве. Там очень интересная гидрография подземных вод.

Изабелла слегка наклонила голову набок. Впервые за весь разговор в ее глазах мелькнуло нечто похожее на удивление. — Гидрография? — переспросила она.

— Да! Как грунтовые воды влияют на осадку фундаментов древних построек, — оживился Анри, делая роковую ошибку — он сделал шаг из-за колонны навстречу ей. — Например, замок Монфор стоит на известняковой плите, которая активно впитывает влагу. Если дренажная система засорится, северная стена может просесть на четыре дюйма за десятилетие. Я проводил замеры вчера утром. Кстати, ваш

приезд вызвал небольшое смещение почвы из-за веса ваших сундуков. Ничего критичного, конечно...

Он говорил быстро, захлебываясь словами, спеша поделиться своей радостью — встретить кого-то, кто, кажется, понимает разницу между базальтом и туфом.

Изабелла смотрела на него своими невозможными глазами. Пауза затягивалась. Анри смешался, покраснел до корней волос и уставился в пол.

— Простите, — буркнул он. — Я опять говорю глупости.

Принцесса медленно моргнула. Ресницы опустились и поднялись, закрывая фиолетовую бездну.

— Нет, — сказала она. — Вы говорите факты. Это редкое качество при дворе. Обычно говорят комплименты или угрозы. Продолжайте изучать вашу почву, господин Анри. Возможно, однажды она скажет вам больше, чем живые люди.

С этими словами она развернулась и направилась к террасе, где ждала княгиня.

Вот тут началось самое интересное. Моя работа детектива началась именно в эту секунду, потому что мой мозг отказывался верить тому, что видели глаза.

Изабелла шла к матери своего потенциального жениха. По законам жанра, написанного сотнями менестрелей, сейчас должна была произойти сцена женского соперничества. Две хищницы должны были сойтись в битве взглядов, оценить платья друг друга, длину родословной и остроту ногтей.

Должны были быть натянутые улыбки, вопросы о здоровье и скрытый яд в каждой букве.

Ничего этого не было.

Когда принцесса приблизилась к княгине Елене, воздух вокруг них стал плотным. Настолько плотным, что дышать стало трудно. Я физически ощутила давление на барабанные перепонки. Запахи во дворе сменились: ушла пыль и конский пот, остался лишь запах озона, какой бывает после удара молнии, и горький аромат полыни.

Княгиня Елена сделала неуверенный шаг вперед. Протянула дрожащую руку.

— Девочка моя... — выдохнула она. — Какая ты стала... красивая.

Изабелла остановилась. Она не взяла протянутую руку. Вместо этого она позволила своим фиолетовым глазам скользнуть по лицу княгини сверху вниз. Очень медленно. Оценивающе. Так мясник оценивает тушу на рынке. А потом принцесса сделала нечто невероятное. Она обошла княгиню по широкой дуге, словно та была мебелью. Или прокаженной.

— Матушка сегодня бледна, — громко сказал князь, пытаясь сгладить неловкость. — Эти мигрени...

— У нее не мигрени, — внезапно произнесла Изабелла. Она остановилась у самых дверей, ведущих внутрь, но не вошла. Стояла спиной к нам всем. Фиолетовые глаза снова смотрели куда-то в пустоту. — У нее истощение ауры. Се-

верный сектор замка фонит некротической энергией. Кто-то открывал порталы в нижних катакомбах. Полагаю, лет пятьдесят назад. Старые захоронения редко консервируют правильно.

Воцарилась мертвая тишина. Было слышно, как на кухне зазвенела ложка о кастрюлю. Мажордом Жан-Гаспар икнул. Князь открыл рот, закрыл его. Посмотрел на жену. Та пошатнулась, схватившись за сердце.

— Некротическая... что? — просипел князь.

Изабелла наконец повернулась. На ее губах играла самая холодная, самая неживая улыбка, которую я когда-либо видел.

— Плесень, Ваша Светлость, — ласково пояснила она. — Древняя погребальная плесень. Она разъедает фундамент изнутри. Советую освятить подвалы. Желательно человеческим жиром. Говорят, помогает лучше всего. Ну что ж, ведите меня в мои покои. Дорога была долгой, а завтра нам предстоит обсуждать брачный контракт. Я надеюсь, пункты о праве собственности на магические потоки земли прописаны достаточно четко? Отец говорил, вы склонны забывать о таких мелочах.

Обед проходил в Малой столовой. Присутствовали только семья и я (потому что кому-то нужно было подавать соус и слушать).

Принцесса ела мало. Очень мало. Ковырнула вилкой паштет из фазана, отпила глоток белого вина. Всё остальное вре-

мя она наблюдала.

Я двигалась вдоль стен, сливаясь с интерьером. Этому фокусу я научилась еще в деревне, когда пряталась от разъяренного соседа, чья свинья случайно съела мое новое платье. Главное — двигаться тогда, когда собеседник моргает или отводит взгляд. Человеческое зрение инертно. Оно цепляется за яркие пятна. Ярким пятном был Филипп, сверкавший орденами. Я же была просто тенью в синем.

Я внимательно следила за нашей гостьей. За деталями, которые упустили очарованные мужчины.

Во-первых, она не пользовалась приборами так, как принято. Она держала нож тремя пальцами, профессионально. Так держат кинжал перед броском. Каждое ее движение было рассчитано до миллиметра. Экономия усилий абсолютная.

Во-вторых, ее тень. Та самая, густая, что пришла вместе с ней. Теперь она лежала под столом, у ног принцессы. Обычная тень от канделябра падала вправо. Тень Изабеллы тянулась влево, пересекая границу ковра. Более того, иногда мне казалось, что эта тень пульсирует. Словно дышит. Один раз длинная черная лента отделилась от основного массива тьмы и змеей метнулась под скатерть в сторону Филиппа. Старший княжич ничего не заметил, увлеченно рассказывая о баллистике, но его левая нога, стоявшая на полу, дернулась, словно от слабого укола иглой. Тень втянулась обратно.

В-третьих, кольцо. На правой руке принцессы, на указа-

тельном пальце, сидел перстень из тусклого серебра. Камня в нем не было. Вместо камня в оправе шевелилось нечто. Похожее на кусочек густой нефти. Капля живой тьмы. Время от времени Изабелла непроизвольно поглаживала эту каплю большим пальцем. Жест был интимным, собственническим. Так гладят любимого пса или проверяют остроту лезвия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.